

О ПРАВЕ ЛГАТЬ. ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

В 2007–2008 гг. в Секторе этики Института философии РАН прошла дискуссия по вопросу о допустимости лжи в чрезвычайной ситуации выбора между правдивостью по отношению к убийце и обязанностью защиты от убийцы друга, которому был оказан приют. Эта ситуация обсуждается Иммануилом Кантом в эссе «О праве лгать из человеколюбия». Материалы дискуссии на разных стадиях ее развития публиковались в журналах «Человек» (2008. № 3–4), «Логос» (2008, 5) и в книге «О праве лгать» (под ред. Р.Г. Апресяна, М.: РОССПЭН, 2011). Прошедшая дискуссия получила отклик в печати¹, в ее продолжение было опубликовано несколько статей². В продолжение дискуссии редакция публикует полемические статьи К.Е. Троицкого, Б.С. Шалютина, М.М. Рогожи, Г.Н. Мехеда.

К.Е. Троицкий

Запрет на ложь как условие вечного мира

Троицкий Константин Евгеньевич – кандидат философских наук, младший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: Konztant@inbox.ru

Дискуссия, которая развернулась в книге «О праве лгать» представляет большой интерес. Небольшое эссе Канта стало лакмусовой бумажкой для обозначения на первый взгляд кардинально различающихся позиций, которые оспаривают друг у друга право

¹ См.: *Мотрошилова Н.В.* Рецепция кантовской философии права в России второй половины XIX и XX вв. и «Метафизика нравов» Канта // *Кант И.* Соч. на нем. и рус. яз. Т. 5. Ч. 1 / Под ред. Н. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М., 2014. С. 953–969.

² См.: *Поддьяков А.Н.* Ложь злоумышленнику о местонахождении жертвы и полемика о нравственном принципе правдивости // *Психологические исследования (Электронный журнал)*. 2010. № 1 (9). URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2010n1-9/273-poddiakov9.html> (дата обращения: 08.03.2015); *Поддьяков А.Н.* Допустимо ли солгать злоумышленнику, чтобы помешать преступлению: анализ исторической полемики // *Культурно-историческая психология*. 2011. № 1. С. 28–41; *Хафизова Н.А.* Между долгом не лгать и долгом человеколюбия // *Человек*. 2011. № 3. С. 98–110; *Максимов Л.В.* «Коперниканский переворот» Канта в эпистемологии и проблема моральной допустимости лжи // *Этическая мысль*. 2011. Вып. 11. С. 30–52; *Гуревич П.С.* Лгать или не лгать – вот в чем вопрос // *Филология: научные исследования*. 2012. № 3. С. 38–56; *Борисова И.В.* Коротко о книгах // *Вопр. Философии*. 2012. № 12. С. 188; *Гаджикурбанова П.А.* Обязанность правдивости в этике И. Канта // *Постигая добро: сб. ст. / Отв. ред., сост. О.В. Артемьева, А.В. Прокофьев*. М., 2013. С. 222–234.

на звание этической позиции. В течение своей жизни Кант наблюдал немало ученых диспутов и предлагал свой критический подход в качестве платформы для решения конфликтов и установления мира. Но он не предполагал, что причиной одной из самых ожесточенных полемик в этике может стать его собственное небольшое эссе. В первом разделе статьи представлена попытка продемонстрировать две пары оппозиций, которые просматриваются при обсуждении эссе Канта. Они состоят из двух формальных и двух содержательных подходов. Во втором разделе исследуется место понятий насилия и лжи в работах Канта, а также их связь и отличие запретов на их применение. Наконец, в третьем разделе запрет на ложь рассматривается как важное и необходимое условие для установления «вечного мира».

Ключевые слова: Иммануил Кант, вечный мир, ложь, право, этика

Два формальных и содержательных подхода

1. Существуют весомые основания полагать, что эссе Канта «О мнимом праве лгать из человеколюбия» было не о морали, а о праве. В таком случае одной из первых задач становится определение места права в построениях Канта и, особенно, в его моральной философии. Только затем, если согласиться, что речь о праве напрямую касается темы морали, можно начинать обозначение этических позиций. Но этот шаг спорен. Ряд исследователей его мысли сомневаются в *правомерности* подобного перевода в плоскость преимущественно моральной философии. Можно начать с того, что Кант *нигде* в статье не использует слово «мораль» с его производными, хотя именно понимание морального и делает полемику в исследовательской литературе столь напряженной. Более того, термин «нравственное» (*sittlich*) Кант упоминает лишь единожды при цитировании оспариваемого им утверждения Констанана, а слово «этика» есть только в сноске, где Кант как раз говорит: «...ибо это относится уже к этике, а здесь речь идет о правовом долге»³. Слово же право (*Recht*) с его производными⁴ встречается в оригинальном немецком тексте небольшого эссе *сорок раз*⁵.

Непосредственно вопрос об отношении морали и права в наследии Канта уводит в отдельное и обширное поле исследований, где мнения ученых заметно различаются. Если коснуться только нескольких позиций с перспективой именно на рассматриваемое эссе, то, например, Роберт Бентон выделяет единый корень у морали и права при их последующем разделении, но при этом подчеркивает, что речь идет *именно* о праве, а не о морали⁶. Аллен Вуд, наоборот, считает, что право обосновывается на независимом от морали принципе, поэтому сравнение случаев лжи из «Основ метафизики нравственности» и разбираемого эссе неверно⁷. Он же подчеркивает разницу между следующими

³ Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Кант И. Собр. соч. Юбилейное изд.: в 8 т. Т. 8. М., 1994. С. 257 (сноска).

⁴ Самое популярное среди них – «Unrecht».

⁵ В книге «О праве лгать», напротив, в каждой статье термины «мораль», «этика», «нравственность» – это центральные слова, которые обнаруживают себя почти на каждой странице и порой по много раз.

⁶ См.: Benton R.J. Political Expediency and Lying: Kant vs Benjamin Constant // Journal of the History of Ideas. 1982. Vol. 43. No. 1. P. 135–144.

⁷ Wood A.W. Kant and the Right to Lie // Eidos. 2011. No. 15. P. 98.

формами лжи: ложь как идея права, ложь как фальсификация и ложь по необходимости. В целом ученый утверждает принципиальное значение разведения морального и правового порядков, сведение которых лишь порождает мнение, что «позиция Канта» в этом эссе является «частью ригористического сумасшествия (craziness)»⁸. Джеймс Мэхон идет еще дальше он выделяет в работах Канта три способа не выражать правду: 1) утаивание (dissimulation), сокрытие (concealment), умалчивание (reticence); 2) обман; 3) ложь⁹. Категорический запрет касается лишь лжи. Далее исследователь выделяет и три вида лжи (в этическом и юридическом смысле, а также при рассмотрении с позиции права). Юридическая ложь охватывает ложь по отношению к другому со следующим отсюда для него вредом, правовая ложь – в направлении всего человечества, этическая – в отношении к самому себе. Последний вид включает в себя два остальных, но каждый из них имеет свои ограничения и свой угол рассмотрения, поэтому к каждому из них относятся и «три соответствующих долга не лгать»¹⁰. Сходную позицию с Вудом занимает Хельга Варден, которая пишет, что «упоминание Кантом этики и добродетели служит тому, что он *не* касается этих предметов, но занимается только правом или справедливостью»¹¹. В чем, вероятно, согласны все исследователи, так это в том, что ложь в эссе имеет отношение к нарушению долга правдивости ко всему человечеству, что напрямую соотносится с политикой и разным пониманием Кантом и Констаном идеи права и государства. Следовательно, если в эссе и рассматривается моральная проблема, то она в первую очередь относится к области того, что сегодня относится к области рассмотрения политической этики.

2. Если сделать могущее показаться иным исследователям вольным допущением, т. е. перешагнуть через дискуссионный момент и рассматривать эссе Канта именно в перспективе преимущественно моральной, а не правовой проблемы, то, на первый взгляд, оценки позиции философа диаметрально *противоположны*. Можно условно выделить, что некоторые и делают в сборнике «О праве лгать»¹², два *содержательно* оппозиционных по отношению друг к другу подхода, обусловленных самой постановкой вопроса Канта, которая как будто подразумевает четкий ответ «да» или «нет» на вопрос: следует ли домохозяйину солгать на вопрос преступника? Две позиции можно обозначить по-разному, но может показаться, что несогласованность между ними касается не только данного случая, но и разницы в понимании ключевых этических категорий: от вопроса о том, что такое ложь до понимания сути и назначения этики, вплоть до сущности самой морали. Но как философы в области этики могут общаться друг с другом, если они (порой даже по собственному призна-

⁸ Wood A.W. Kant and the Right to Lie. P. 104.

⁹ Mahon J.E. The Truth about Kant on Lies // The Philosophy of Deception / Ed. by Clancy Martin. N.Y., 2009. P. 204.

¹⁰ Ibid. P. 202.

¹¹ Varden H. Kant and Lying to the Murderer at the Door... One More Time: Kant's Legal Philosophy and Lies to Murderers and Nazis // Journal of Social Philosophy. Winter 2010. Vol. 41. No. 4. P. 406.

¹² См., например, выводимое А.Г. Гаджикурбановым столкновение «концепции абсолютной морали и проекта прагматической (ситуационной, казусной) этики»: Гаджикурбанов А.Г. Кант о метафизически-религиозных началах нравственности // О праве лгать / Сост., ред. Р.Г. Апресян. М., 2011. С. 247.

нию) утверждают, что говорят о совершенно разных вещах? О чем собственно в такой ситуации возможна дискуссия? Есть основания утверждать, что противоположные точки зрения не являются радикально и абсолютно противоположными. Это поможет продемонстрировать тот факт, что при обсуждении ситуации из эссе Канта на самом деле *никто* при ответе на поставленный вопрос *ясно* и *однозначно* не повторил, что если бы в его дом постучался преступник, а в нем скрывался его/ее друг, с которым этот преступник намеревался бы сделать что-то плохое, то он (она) признали, что его друг здесь. А главное – *никто* не сказал, что произнести правду в данной ситуации и есть поступить по-настоящему и единственно *нравственно*. Ответы, разумеется, кардинально отличаются: кто-то говорит, что он бы с чистой совестью обманул, кто-то уходит от прямого ответа, утверждая лишь, что права на ложь не может быть по определению, часть же из тех, кто поддерживает абсолютное требование признают, что либо не знают, как бы поступили (А.А. Гусейнов¹³), либо откровенно говорят, что, вероятно, солгали бы (Н.М. Сидорова¹⁴, Т.А. Кузьмина¹⁵), но с угрызениями совести или чувством стыда. Получается, что основная дискуссия, скорее, не о «да» или «нет» в данной ситуации, а о том, можно ли выводить некий оправдательный принцип, который бы помещался в области морали или данная ложь находилась бы вне пространства морали, где ответ предопределять с этических позиций не следует.

Представленную Кантом схему «преступник–домохозяин–друг» невозможно рассматривать как обычную, она – экстремальная, конфликтная. Тамара Шапиро называет ее «marginal case», в которой безусловные запреты деонтологической этики сталкиваются с проблемой давления обстоятельств¹⁶. Безусловно, реакция *неприятия*, негодования на преступника у всех авторов – одна. Чем это обуславливается? Верный ответ, как кажется, состоит в том, что все авторы выступают как *принципиальные* противники *насилия*. Если бы не было проблемы вероятного применения насилия по отношению к другу, то была ли бы вообще проблема в этом эссе? Разве кто-то сказал бы, что домохозяин *имеет право* солгать жене загулявшего друга, которая хочет отвести его обратно в семью? Все участники дискуссии согласны, что насилие (по крайней мере инициативное) – зло, различно же их отношение к позиции Канта. У философа в отличие от участников дискуссии невозможно увидеть *никакого* возмущения или неприятия нависшего над *другом* насилия. Он в принципе, как это неоднократно подчеркивается при обсуждениях, как будто не замечает друга, т. е. как человека, с которым его что-то связывает. Этот вопрос даже не обсуждается. Мыслитель как бы говорит: здесь, конечно, возможно насилие, но, может быть, другу удастся его избежать, однако в принципе и в целом – вопрос не об этом. Более того, Кант последователен, он дал бы тот же ответ, если бы речь шла о его собственной жизни, а не друга, т. к. второй вопрос эссе звучит: «Должен ли человек в высказывании, к которому его несправедливо принуждают, сказать

¹³ Гусейнов пишет: «Я не знаю, как я повел бы себя в кантовской ситуации». Гусейнов А.А. Что говорил Кант или Почему невозможна ложь во благо // О праве лгать. С. 119.

¹⁴ Сидорова Н.М. Когда Кант будет услышан и сколько за это надо заплатить? // О праве лгать. С. 187–195.

¹⁵ Кузьмина Т.А. Нельзя потому что нельзя // О праве лгать. С. 365–381.

¹⁶ См.: Shapiro T. Kantian Rigorism and Mitigating Circumstances // Ethics. 2006. Vol. 117. No. 1. P. 32–57.

неправду, с тем чтобы спасти себя или кого другого от угрожающего ему злодеяния?»¹⁷. Ответ философа известен, т. е., если бы ситуация включала только злоумышленника и домохозяина, то ответ должен был бы таким же правдивым, даже если бы его последствия угрожали жизни последнего. Поэтому упреки в эгоизме здесь так же уместны, как в случае с христианскими мучениками.

Для Канта ложь более *деструктивна*, чем насилие. Это может быть объяснено только через разницу между двумя запретами, это же делает понятным сложности в данной ситуации для защитников его позиции. Для большинства сторонников абсолютного запрета на ложь – запрет на насилие является равно абсолютным. Для критиков позиции Канта инициативное насилие принципиально большее зло, чем реактивная и даже проактивная ложь, к которой прибегают с целью предотвращения насилия. Поэтому они допускают возможность формулировки «оправданности лжи из человеколюбия»¹⁸, но стоит только вместо лжи в ней поставить, например, убийство или пытку, то позиция моментально раскрывается: есть некая иерархия зол, среди которой убийство или насилие есть большее зло, чем ложь¹⁹. Из этого следует важнейшая ключевая роль проблемы насилия в рассматриваемом вопросе и ее связь с ложью, при этом не только в том смысле, что запрет на ложь можно сравнить с позицией мыслителя по применению силы, как это делает А.В. Прокофьев²⁰, но и как существенный, проблемный фон именно данного эссе. Позиция Канта останется непонятной, если не брать во внимания первый интерпретационный подход, согласно которому в данном эссе предполагается не только и не столько межличностный уровень, сколько правовой и даже политический вопрос. Речь идет о том, что философ через абсолютный, важный сам по себе запрет на ложь, вероятно, предлагает единственный реальный, на его взгляд, путь для нивелировки насилия, для движения «к вечному миру» на уровне права и политики. При таком подходе, конечно, мысль Канта касается этических вопросов и делает оправданным рассмотрение его взглядов с этической точки зрения.

Ложь и насилие

Итак, для Канта запреты на ложь и насилие не являются равнозначными. Более того, различны их происхождение, моральный статус и характер запрета. Не факт, что запрет на насилие (в широком смысле) для мыслителя в принципе существовал в том же смысле, что и у сторонников философии ненасилия. Тем не менее можно заметить глубокую связь, которая возможно не осознавалась в полной мере самим мыслителем. Насилие, согласно Канту, свойственно естественному человеку. В «Метафизике нравов» он пишет даже о «максиме насилия» свойственное этому состоянию²¹, философ далеко не готов согласиться со

¹⁷ Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия. С. 257.

¹⁸ См.: Артемьева О.В. Об оправданности лжи из человеколюбия // О праве лгать. С. 42–62.

¹⁹ Безусловно, не в абсолютном значении, т. к. большое значение здесь имеет еще то, что за ложь и что за убийство.

²⁰ См.: Прокофьев А.В. Кант, обман, применение силы... // О праве лгать. С. 63–95.

²¹ Кант пишет: «Мы познаем максимум насилия и злобу людей, толкающую их на взаимную вражду, до того как появляется какое-нибудь внешнее имеющее власть законодательство». Кант И. Метафизика нравов // Указ. изд. Т. 6. М., 1994. С. 343.

всем содержанием, которое встречается у Томаса Гоббса, но отсутствие всякой гарантии от произвольного насилия в естественном состоянии кажется ему несомненным. Запрет на насилие не встречает и малой доли того внимания в моральной философии Канта, какое наблюдается в отношении запрета на ложь. Главное, что отказ от лжи требуется немедленно, сейчас же, *абсолютно*. Это требование морального закона – универсальное, вечное и беспрекословное. *Полный* же отказ от насилия – это задача для будущего *исполнения*, а может, вообще философам «снится сладкий сон?»²². В случае насилия речь идет о цели исторической, временной и обусловленной²³. Это различие между запретом на ложь и насилие может быть объяснено тем, что, согласно Канту, ложь – проявление свободы воли человека, тогда как насилие – наследие его живущей по природе сути, а следовательно, своими корнями они восходят к двум разным сферам (свободы и необходимости).

В «Идее всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», где Кант как раз описывает несвободное, подчиненное законам природы развитие человека, задается перспектива, согласно которой на доправовой стадии развития человечества насилие играло даже позитивную роль (с помощью провидения истории), постепенно подводя человека к разумному состоянию. На каком-то этапе люди начинают понимать необходимость договорных отношений с целью ограничения насилия. Но насилие не изживается полностью и в правовом состоянии, оно, конечно, *легализуется*, становится принуждением, наказанием, насилием на войне, т. е. предстает ограниченным, но тем самым и *включенным* в правовую систему. *Категорический* запрет на любое насилие у Канта отсутствует, что подробно проанализировал Прокофьев в своей статье. Разумеется, для человека в разумном состоянии даже трансформированное насилие является нежелательным, а целью становится стремление «к вечному миру», но как природа не может быть названа однозначно греховной, так, вероятно, и какие-то рудименты насилия на пути к «всемирному гражданскому обществу» не являются, согласно Канту, чем-то однозначно недопустимым. Как это известно, он не только допускал оборонительные войны, но вполне поддерживал казни преступников. Конечно, все это должно быть регламентировано и отграничено от злоупотреблений, но, например, в случае наказания смертью провинившегося, а также, как будет продемонстрировано ниже, участие в оборонительной войне для Канта это не только допустимо, но и соответствует категорическому императиву, а следовательно, является *нравственным долгом*. Более того, в работе «Благая весть о близком заключении договора о вечном мире в философии», написанном за год до рассматриваемого эссе, Кант говорить о *долге* полиции следить, чтобы только профессионалы советовали, «*какую философию* следует изучать»²⁴. То есть взывает от имени философии к принуждающему аппарату государства. В самом начале правового состояния, о чем Кант говорит уже в работе «К вечному миру», лежит насилие. Философ

²² Кант И. К вечному миру // Кант И. Собр. соч. Юбилей. изд.: в 8 т. Т. 7. М., 1994. С. 6.

²³ А. Армстронг следующим образом описывает это: «Вечный мир является стандартом или целью, приближаемая посредством постепенного, возможно, бесконечного процесса. В этом отношении это выглядит как другие идеи или задачи практического разума» (*Armstrong A. C. Kant's Philosophy of Peace and War // The Journal of Philosophy. Vol. 28. No. 8. 1931. P. 200*).

²⁴ Кант И. Благая весть о близком заключении договора о вечном мире в философии // Указ. изд. Т. 8. С. 248.

пишет, что «нельзя рассчитывать на иное начало правового состояния, кроме *принуждения*; именно на нем основывается затем публичное право»²⁵. Важно, что на месте «принуждения» в оригинальном немецком тексте стоит «Gewalt», которое можно, и, возможно, нужно было перевести как «насилие». Итак, для Канта именно отказ от лжи ведет постепенно к отказу от насилия в правовом состоянии, но первоначальное заключение договоров на данном этапе истории предполагает, а в какой-то мере и поддерживается посредством применения принуждающей и наказывающей силы.

В отношении лжи у Канта действует другой подход. Действительно, для оценки таких проявлений насилия, как публичная казнь или война, для него важны *ситуация*, обстоятельства, диалектика, история, где насилие переопределяется в зависимости от последствий и цели, становясь принуждением или обороной. Здесь отчасти может быть отмечена «логика» переименования И.А. Ильина, но она не действует у Канта для запрета в отношении лжи²⁶. Ложь появляется при вхождении человечества в правовую, разумную стадию и возможна лишь в условиях некоего договора и соглашения, которые она и разрушает. Запрет на ложь является основой всех договорных отношений и обязательств, в том числе и отказа от произвольного применения силы²⁷ как первого, наиболее резкого проявления насилия, от которого следует отказаться. Получается, что насилие через «провидение» природы ведет человека к разумному состоянию, которое поддерживается в дальнейшем уже не природой, а правом. Ложь же выбрасывает человека из этого состояния, разрушает договорную и правовую основу, ведет обратно в мир насилия. Это противоречит и природе, и разуму. Другими словами, в этой позиции насилие, война, конфликт неотъемлемо присущи естественному состоянию человека, тогда как ложь – это внеприродное, неестественное, а следовательно, *абсолютно* immoralное действие, которое мало того, что само по себе зло, еще и препятствует устранению «естественного зла» – насилия. Ложь связана с разумом и договорами, но только отрицательно – через их разрушение. Кроме того, ложь и насилие направлены на разные стороны человека. Ложь искажает, пытается использовать как средство, а не как цель то, что только и способно сделать человека нравственной личностью, то есть – его разум. Насилие же, если не чрезмерно увеличивать содержание этого понятия, направлено на физическое естество человека. Этот момент отмечает Корсгаард, когда описывает, что лжец стремится использовать разум другого как «машину», «физическое принуждение использует чью-то личность как инструмент, а обман (lying) использует чей-то разум как инструмент»²⁸.

²⁵ Кант И. К вечному миру. С. 38–39.

²⁶ См., например, вторую статью Р.Г. Апресяна. С. 205, об этом же пишет Mahon J. Kant and the Perfect Duty to Others not to Lie // British Journal for the History of Philosophy. 2006. Vol. 14(4). P. 654.

²⁷ Кант пишет: «Из частного права в естественном состоянии вытекает постулат публичного права: ты должен при отношениях неизбежного сосуществования со всеми другими людьми перейти из этого состояния в состояние правовое, т. е. в состояние распределяющей справедливости. – Основание для этого можно аналитически вывести из понятия *права* во внешних взаимоотношениях в противоположность *насилию* (violencia)» (Кант И. Метафизика нравов. С. 339).

²⁸ Korsgaard C. The Right to Lie: Kant on Dealing with Evil // Philosophy & Public Affairs. 1986. Vol. 15. No. 4. P. 334.

Отличие от схемы двух запретов Кант подчеркивает через утверждение и особое выделение правдивости как позитивной обязанности и *центральной* добродетели. Об этом можно судить уже по ранней версии его лекций об этике (1762–1764), записанных И.Г. Гердером, которые свидетельствуют о *категорическом* неприятии лжи Кантом в докритический период. Уже здесь Кант различает два основания для правдивости: как обязанности по отношению к другим, так и к себе. Философ пишет: «*Ценность любви правды* – это фундамент (basis) всех добродетелей»²⁹, в то время как «человеческая неправдивость раскрылась бы как *бесчестье*»³⁰. Если правдивость «фундамент всех добродетелей», что же тогда ложь, если не подрыв, разрушение фундамента всех добродетелей? Поэтому ложь – это бесчестье, это отвращение к самому себе, это саморазрушение. Данную мысль Кант раскрывает в лекциях о педагогике, где в разделе «Долг по отношению к себе» есть замечание: «Ребенок, солгав, может и на самом деле унизить свое человеческое достоинство, так как он уже в состоянии думать и сообщать свои мысли другим. Ложь делает человека предметом всеобщего презрения; это – средство лишить его самого уважения и той веры, которую каждый должен питать к себе»³¹. С этим связан и *категорический* запрет на ложь при воспитании детей: «Позволительна ли ложь при необходимости? Нет! Нельзя представить себе решительно ни одного случая, в котором ложь заслуживала бы извинения, особенно перед детьми»³². Правдивость же становится одной из трех основных черт характера, которые требуется воспитывать в ребенке: «*Правдивость* – вторая главная черта характера, которую следует вырабатывать у детей. Она составляет основную и существенную черту характера. Тот, кто лжет, не имеет никакого характера»³³. Последнее замечание тем более понятно, если связать его с тем, что лжец лишается уважения, т. е. того чувства, которое обозначает присутствие и действие человека согласно моральному закону. Человек делается хуже вещи, т. к. вещь хотя бы не выбирает быть ей вещью или нет.

Итак, ложь выступает как разрушительница договоров и «самоубийство разума», из которого следует «уничтожение» человеческого достоинства³⁴, потеря характера, отказ от нравственного начала в себе. Есть все основания утверждать, что запрет на ложь, согласно Канту, в силу всего вышесказанного (особенно дискуссии о том, что в эссе речь идет о правовом запрете) носил более широкий характер, чем только моральный запрет. Это не просто этическое требование, это требование антропологическое, это условие для человека как разумного существа, чтобы иметь возможность им остаться. Здесь у Канта различимы и религиозные коннотации вплоть до того, что за этими словами можно расслышать известное: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф. 16:26). Кант видел огромный потенциал негативной, разрушительной силы для установления любого закона. Для него ложь выступает как *основа насилия*, можно даже сказать, что

²⁹ Цит. по: Mahon J. Kant and the Perfect Duty to Others not to Lie. P. 656.

³⁰ Ibid.

³¹ Кант И. О педагогике // Указ. изд. Т. 8. С. 451.

³² Там же. С. 452.

³³ Там же. С. 445.

³⁴ В «Метафизике нравов» Кант так и пишет: «Ложь есть унижение и как бы уничтожение человеческого достоинства в себе» (Кант И. Метафизика нравов. С. 472).

как *насилие по существу*. Получается, что ложь хуже того, что обычно понимается под насилием. Этот момент отмечает Корсгаард: «Кант думает, что ложь сама по себе хуже принуждения, поскольку непосредственным образом разрушает автономию»³⁵. Здесь возникает парадоксальный для современной мысли вывод, что, согласно Канту, «если вы можете применить к убийце принуждение (соегсiон), то это лучший вариант, чем ложь»³⁶. Представляется, что это можно понимать и так, что ложь помимо автономии *насилует* разум и долг, вторгается и разрушает ноуменальный мир свободы, тогда как насилие действует в области физической природы, в царстве необходимости, где, на самом деле, оно действовало и раньше.

Данная позиция Канта неприемлема ни для условных «абсолютистов», поскольку допускает и даже «инструментализирует» насилие, ни для их оппонентов, т. к. ставит в иерархии «меньшего зла» насилие, а не ложь. Тем более, никто из авторов сборника «О праве лгать» не задается вопросом: а что нужно или не нужно, согласно Канту, делать дальше домохозяину, после того как была сказана правда о местонахождении друга? Что бы он сделал или не делал после того, как, предположим, преступник начал применять насилие к другу? Аргюи, вероятно, подразумевается, что коли домохозяин не предотвратил это «меньшим злом» или воплотил на практике абсолютный запрет на ложь, то, само собой разумеется, он останется зрителем в отношении насилия, но так ли очевидна после вышесказанного эта позиция? Не стоит ли вспомнить, что Кант говорил об обороне и самообороне? И можно ли упрекать философа в полном забвении друга, когда годом позже после рассматриваемого эссе Кант пишет, что «если, повторяю, о моем лучшем друге в таком обществе сказали бы что-либо предосудительное, я встал бы на его защиту и вступился бы за него на свой страх и риск в сильных и резких выражениях?»³⁷.

Ложь: между вечной войной и вечным миром

Безусловный отказ от лжи выступает для Канта необходимым условием на пути к «вечному миру», при этом мир понимается здесь в широком смысле, а *не только* как отсутствие войны. Как пишет философ: «Одна только заповедь: не лги (даже из самых благочестивых намерений), глубоко укорененная в основе философии как учения о мудрости, могла бы не только способствовать вечному миру в ней, но и сохранить его на все будущее время»³⁸. Это тот аспект, который требует мира не только внешнего, но и внутреннего, не только на уровне применения оружия, но и в дискуссиях философов, т. е. тот вечный мир, к которому Кант призывает уже в «Критике чистого разума».

Один из договоров в эссе «К вечному миру», который, согласно философу, требуется начать выполнять незамедлительно, звучит: «Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем, в мирное вре-

³⁵ Korsgaard C. The Right to Lie: Kant on Dealing with Evil. P. 339 (footnote).

³⁶ Ibid.

³⁷ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Указ. изд. Т. 7. М., 1994. С. 316.

³⁸ Кант И. Благая весть о близком заключении договора о вечном мире в философии. С. 255.

мя, как, например, засылка *тайных убийц* (*percussores*), *отравителей* (*venefici*), *нарушение условий капитуляции*, *подстрекательство к измене* (*perduellio*) в государстве неприятеля и т. д.»³⁹ и чуть ниже продолжает: «Война есть печальное, вынужденное средство в естественном состоянии (где не существует никакой судебной инстанции, приговор которой имел бы силу закона) утвердить свои права силой»⁴⁰. Получается, что только через *абсолютный* отказ от лжи возможно *абсолютное* преодоление войны. Мысль Канта не станет понятной без этого утверждения, поэтому некоторые противники его позиции (например, Т.И. Ойзерман⁴¹ или развивающий его мысль С.С. Аванесов⁴²) четко отметили эту связь: отказ от лжи – отказ от войны. Но здесь речь не о равенстве, Кант не был пацифистом в смысле незамедлительного и абсолютного требования полного и абсолютного отказа от войн⁴³, как писал Армстронг: «Правда то, что он не смотрел на войну, как на абсолютное зло на каждой стадии человеческой культуры»⁴⁴. Категорическое требование мира накладывается на исторические обстоятельства. Кант здесь не выдвигает требование немедленного отказа от войн, но пытается ограничить комплектование армии через обоснование необходимости введением запрета на наемничество⁴⁵, а в войне взывает к запрету на *ложь*, которая разрушает будущее доверие и возможность вечного мира. В последнем требовании Кант радикален, тут позиция защитников и критиков опять ближе друг к другу, чем к озвученной в эссе. Неуместность констатации состояния «однако все еще не перевелись войны»⁴⁶ представляется понятной, т. к. Канта интересует не то, что есть, а то, что должно быть, то есть условия, при которых это состояние войн было бы преодолено. Более знаменательно, что абсолютизм запрета на ложь, который защищает Гусейнов, не столь радикален, как это в определенных местах, по-видимому, подразумевает Кант. Так, российский философ пишет: «Когда военная разведка вводит в заблуждение противника»⁴⁷, то «кому в подобных случаях придет в голову говорить о лжи, обмане, лицемерии?!»⁴⁸, очень вероятно, как раз, что Кант назвал бы это имен-

³⁹ *Кант И.* К вечному миру. С. 10.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См.: О праве лгать. С. 185.

⁴² Там же. С. 266.

⁴³ Философ писал: «На той ступени культуры, на которой человечество еще стоит, война является неизбежным средством, способствующим ее развитию, и только при достижении (Бог ведает когда) законченной культуры постоянный мир мог бы быть для нас благодетелем, и только при этом условии он был бы Единственно возможен. Таким образом, в этом отношении мы сами повинны в наших бедах, на которые мы так горько жалуемся» (*Кант И.* Предполагаемое начало человеческой истории // Указ. изд. Т. 8. С. 86).

⁴⁴ *Armstrong A.C.* Kant's Philosophy of Peace and War. P. 198.

⁴⁵ В частности оно противоречит второй формулировке категорического императива: «К тому же нанимать людей, для того чтобы они убивали или были убиты, – значит использовать их как простые машины или орудия в руках другого (государства), а это несовместимо с правами человека, присущими каждому из нас. Иное дело – добровольное, периодически проводимое обучение граждан обращению с оружием с целью обезопасить себя и свое отечество от нападения извне» (*Кант И.* К вечному миру. С. 8).

⁴⁶ *Ойзерман Т.И.* Категорический императив и абсолютность запрета на ложь в этике Канта // О праве лгать. С. 185.

⁴⁷ *Гусейнов А.А.* Что говорил Кант или Почему невозможна ложь во благо // О праве лгать. С. 122.

⁴⁸ Там же. С. 123.

но ложью, при этом, возможно, одной из самых опасных. Выше уже приводились слова из эссе «К вечному миру» о запрете на действия, которые разрушают взаимное доверие, но философ раскрывает эту мысль также в «Метафизике нравов», где пишет: «Государству, которому объявлена война, разрешены всевозможные средства защиты, однако не те, пользование которыми сделало бы его подданных неспособными быть гражданами; ибо в таком случае это государство и себя сделало бы неспособным выступать согласно международному праву в межгосударственных отношениях в качестве лица (которое имело бы равные права с остальными). К таким средствам относятся: использование своих подданных в качестве шпионов, использование их и даже иностранцев в качестве убийц, отравителей (к этому разряду можно было бы отнести и метких стрелков, которые подстерегают в засаде одиночек) или же лишь для распространения ложных слухов; одним словом, нельзя пользоваться такими вероломными средствами, которые могут уничтожить доверие, требующееся для создания будущего прочного мира»⁴⁹. Вероятно, наша цивилизация гораздо дальше находится от Канта, чем современный человек часто предполагает, т. к. то, что кажется лишь военными хитростями, являлось для него проявлениями вероломства и *лжи*, которые подлежат безусловному запрету. Впрочем, «радикализм» Канта здесь не свойственен исключительно лично ему, это относилось и к обычаям его времени в отношении войн, которые были далеко не столь изощренны в дезинформации и диверсиях. Вплоть до наполеоновских войн они сохраняли элементы рыцарства и сражений по понятным обеим сторонам правилам с важным элементом чести и даже уважения к противнику (особенно на уровне офицерского состава), которые с трудом поддаются сравнению с войнами современности, где *неотъемлемой* частью войны становится информационная пропаганда, ложь правительств и компания очернения противника, особенно наиболее талантливого в противостоянии⁵⁰.

Итак, абсолютного и немедленного запрета на любое применение силы у Канта нет, но есть ли у философа что-то из области ограничения насилия, что соотносится с запретом на ложь и требуемого также абсолютно и безусловно? Да, это полное отрицание Кантом *права на насилие в отношении государства со стороны своих подданных*, т. е. безусловный запрет на восстание и революцию⁵¹. Этот момент представляется не менее интересным, чем абсолютный запрет на ложь убийце, тем более философ «не склонен апеллировать к божественному праву принцев, точно также как он не склонен делать ссылки на существование Бога и его свойства как объясняющий принцип в науке и спекулятивной философии»⁵². Ведь Кант допускал оборонительные войны, казнь преступников, говорил о смягчении наказания для тех, кто убил на дуэли, и матерей, которые сделали аборт, если ребенок был незаконнорожденным⁵³.

⁴⁹ Кант И. Метафизика нравов. С. 384.

⁵⁰ Конечно, наивно идеализировать то время, но ряд существенных отличий можно констатировать.

⁵¹ Более подробно об этом запрете см.: Hill T.E. A Kantian Perspective on Political Violence // The Journal of Ethics. 1997. Vol. 1. No. 2. P. 105–140; Jacques D. Kant on Unconditional Submission to the Suzerain // History of Philosophy Quarterly. Jan. 1996. Vol. 13. No. 1. P. 117–131; Nicholson P. Kant on the Duty Never to Resist the Sovereign // Ethics. 1976. Vol. 86. No. 3. P. 214–230.

⁵² Jacques D. Kant on Unconditional Submission to the Suzerain. P. 119.

⁵³ См.: Кант И. Метафизика нравов. С. 371.

Более того, он вполне допускал, что революция может привести к прогрессу, что существует необходимость подчинения восторжествовавшей революции и ее незаконный изначальный характер вовсе не делает ее подчинение сколь либо менее действенным⁵⁴, а в определенных кругах философ считался чуть ли не якобинцем⁵⁵. Представляется, что оба случая категоричного запрета связаны между собой. Политический контекст полемики с Констаном виден из самого названия его работы, а отчасти из того, что интерпретация примера, на который, скорей всего, он ссылается в изначальном варианте вместо «убийцы» у Канта фигурировал представитель власти⁵⁶. При таком рассмотрении, учитывая все вышеизложенное, в эссе речь идет не о дилемме «человек – человек», а «государство – человек», при этом с государством в период бифуркаций⁵⁷, где то, что считалось вчера правильным, сегодня – преступно. Констан выступает защитником Директории⁵⁸ и для него ответ очевиден: о том, что представителю прежней власти, который вероятно скрывается под именем «убийца», надо было солгать. Кант же пытается выйти за исторические рамки и найти твердое и вечное основание. Ложь в данном случае выступала бы помимо прочего и *восстанием* против власти. Но даже если предположение, что «убийца» в эссе связан с государством, является неверным, то самое главное, что «свержение сюзерена с необходимостью есть насилие глубинных логических принципов»⁵⁹, и это относится в равной мере к попытке утверждения права на ложь. Здесь та же «логика», которую подчеркивает Дейл Жакет: «Не может быть никакого гражданского права на революцию, потому что революция ниспровергает гражданское право. Здесь не может быть и высшего морального права на революцию через категорический императив, потому что имеется противоречие в утверждении максимы к восстанию против сюзерена при всяком неудовольствии как универсального принципа действия для всех разумных существ»⁶⁰. Демонстрация сходства между запретами на ложь и восстание помогает увидеть то решающее значение, которое Кант предавал им как принципам в устройении правового общества с перспективой на *устранение* насилия. Фактически, он выступает как

⁵⁴ Кант писал: «Если революция удалась и установлен новый строй, то неправомерность этого начинания и совершения революции не может освободить подданных от обязательности подчиниться в качестве добрых граждан новому порядку вещей, и они не могут уклониться от честного повиновения правительству, которое обладает теперь властью» (*Кант И. Метафизика нравов*. С. 356).

⁵⁵ См. об этом: *Benton R.J. Political Expediency and Lying: Kant vs Benjamin Constant*. P. 135–144.

⁵⁶ В качестве *gunotezy* можно представить интерпретацию, что убийца – это представитель правящей партии якобинцев, который врывается в розыск жирондиста. Тогда становится понятно, почему Кант считал, что «несправедливо принуждающий» вопрос убийцы не является прямым насилием, когда можно сказать неправду, как это было в случае с украшениями. В данном случае якобинец – представитель власти, хотя власти, которая расправлялась со своими оппонентами, и, следовательно, у ее противников вполне имелись основания называть ее исполнителей убийцами. Тем более, что обсуждение проходит ретроспективно, когда выносятся суждения относительно якобинского террора, который становится преступным и в судебном смысле. В таком случае, как следует из эссе Канта, не только домохозяин и его друг, но уже и само правосудие будет рассматривать «убийцу» как убийцу.

⁵⁷ Если это так, то русский перевод ведет в неправильном направлении, когда говорит о «злумышленнике», где у Канта «убийца» (Mörder).

⁵⁸ См. об этом: *Benton R.J. Political Expediency and Lying: Kant vs Benjamin Constant*. P. 135–144.

⁵⁹ *Jacquette D. Kant on Unconditional Submission to the Suzerain*. P. 120.

⁶⁰ *Ibid.* P. 121.

приверженец идеи ненасилия по отношению к государству, а запрет на ложь становится ключевым моментом стремления сделать это государство мирным и по-настоящему правовым. Закон следования добродетели правдивости тогда становится альтернативой толстовского воззвания следовать закону любви как единственного эффективного средства противостояния злу⁶¹.

Опасность утверждения права на ложь как оправдания войны

В статье была использована перспектива со стремлением учитывать оба формальных подхода (где эссе Канта предстает: 1. как область рассмотрения правовых и политических, а не этических вопросов, 2. как нравственная дилемма) с тем, чтобы опираясь на политическую проблематику, затронуть и этические вопросы. На самом деле ответ на вопрос: сказать ли правду или солгать в представленной в эссе ситуации не делит людей на приверженцев «да» и «нет», но, как, возможно, автору удалось продемонстрировать, ответы звучат как «да, если...» и «нет, но...», при этом и «если» и «но» объединены в неприятии инициативного и необоснованного насилия. В случае с защитниками позиции Канта это заключается в обосновании абсолютности требования, а в случае с критиками – в использовании лжи как средства, применение которого поможет избежать расправы с другом. Наряду с указанием на различия *трех позиций* автор статьи хотел показать, что Кант также стремился к преодолению и недопущению насилия. В этой смысловой точке представители обеих позиций *согласны*, что создает возможность для диалога, дискуссии, а также для поиска путей к ненасильственному обществу.

Цель в представленной статье состояла не в наивной попытке релятивизации позиций оппонентов, но в желании выявить в обсуждаемой проблематике дополнительное измерение. Есть надежда, что данный угол рассмотрения обеспечивает шанс по-новому взглянуть на заданную Кантом проблему. Аргументация, которая расшатывает абсолютные и безусловные запреты начинается со схематического примера, но предпринимается обычно во имя гораздо более сомнительных случаев. Если коснуться фигуры, упоминаемого некоторыми авторами сборника «О праве лгать», В.С. Соловьева, который, вероятно, первый в российской философии занялся критикой рассматриваемой позиции абсолютного запрета на ложь, то его выступление против абсолютистского требования в эссе Канта не было единственным из его известных выпадов против абсолютных запретов. Опасная попытка разрушения морального запрета на насилие демонстрируется им в «Трех разговорах», где в споре сторонника ненасилия с его оппонентами Соловьев начинает с примера о том, как поступить человеку, когда его близкому, любимому человеку грозит насилие, а единственный способ остановить преступника – это его убить. Но важно то, что Соловьев на самом деле предпринимает этот анализ не для того, чтобы обезопасить несчастного родственника или, в его примере, «малолетнюю дочь», а для того, чтобы на основании этого *оправдать*

⁶¹ Запрет на ложь, конечно, носит безусловный, категорический характер, но при рассмотрении вопросов политики, воспитания и истории правомерен, что задает сам Кант, взгляд на него и как на средство к чему-то.

возможность *реальной* войны⁶². Что война почти с неизбежностью влечет за собой тысячи подобных и исключительных в своей неоправданности случаев насилия, – это им уже не учитывается. Соловьев начинает с рассмотрения *исключительного* по своей насильственной *неоправданности* случая, но это приводит к тому, что война становится для него вполне допустимым и оправданным в некоторых случаях, а в определенном смысле и нормальным явлением. *Здесь не проходит умозрительную проверку категорическим императивом не максима, а, наоборот, категорический императив здесь обращается в гипотетический через невозможность пройти проверку максимой.* «Абсолютистов» часто обвиняют в удалении от практичности или в нереальности. Но разве те сложные индивидуальные построения и противовесы, которые накладываются с тем, чтобы понять, когда ложь оправдана, а когда нет, более практичны и реалистичны?

Важно и то, что цивилизация не может обойтись без абсолютного запрета, т. е. *неоправданности* того или иного действия в любой ситуации. Это наблюдается не просто в современном дискурсе, но присутствует и в международном праве, где есть вполне *конкретный, абсолютный и безусловный запрет*⁶³. Как и в случае с запретом Канта, он касается уровней правового, политического и этического, найдя выражение в «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» в статье 3. Это запрет на пытки, который не знает *никаких* исключений. Надо особо подчеркнуть, что запрет касается далеко не только зверских способов, но и гораздо более прозаичных случаев. Нет сомнения, что еще несколько сотен лет назад во многих странах тех, кто провозглашал бы подобный запрет, не поняли, а, скорее всего, просто подняли бы на смех и сочли бы большими сумасшедшими, чем многие из современников считают Канта. Основания для этого были бы разные и далеко не только иррациональные стереотипы⁶⁴. Важно отметить, что запрет на пытки касается и тех случаев, которые часто используют в фильмах их главные, а самое важное – *положительные* герои с целью вытащить из негодя нужную информацию, которая необходима для спасения невинных жизней или всего мира. Большинство зрителей обычно одобряют действия героя и сочувствует этому «хорошему парню», который находит вполне *оправданным* применить небольшое насилие ради спасения жизни невинных. Но ответ, согласно упомянутой конвенции, является однозначным – это нарушение прав человека, это преступление, даже если он помучил мерзавца и спас невинную жизнь или жизни.

Здание прав человека было сооружено отчасти на предпосылках и идеях, которые развивал Кант. Это *достоинство* человека, стремление к «всемирному гражданскому обществу», недопустимость использования человека только как средства. Вероятно, абсолютный запрет на разрушение этого достоинства может выражаться по-разному, но в той или иной форме он должен быть все-

⁶² См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. М., 1988. С. 635–762.

⁶³ Эту тему затрагивает также Вуд, когда сравнивает оба запрета. В частности он пишет: «Утверждение Канта относительно лжи убийце в двери (при допущении, что неправда (falsehood) есть ложное *свидетельство* (declaration)) аналогично позиции относительно пыток» (Wood A.W. Kant and the Right to Lie. P. 112).

⁶⁴ В той же инквизиции существовала проработанная рациональная система оправдания пыток, применяемых к еретикам и ведьмам.

гда, как бы нереалистично и наивно это не выглядело, по крайней мере пока человек не достиг того идеального состояния, которое было провозглашено Кантом в работе «К вечному миру».

Список литературы

- Кант И.* Собр. соч. Юбилей. изд.: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994.
Кант И. Соч. в 4 т., на нем. и рус. яз. / Под ред. Н. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. 2. М.: Наука, 2006.
О праве лгать / Сост., ред. Р.Г. Апресян. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2011. 392 с.
Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1988.
Armstrong A.C. Kant's Philosophy of Peace and War // *The Journal of Philosophy*. 1931. Vol. 28. No. 8. P. 197–204.
Benton R.J. Political Expediency and Lying: Kant vs Benjamin Constant // *Journal of the History of Ideas*. 1982. Vol. 43. No. 1. P. 135–144.
Jacquette D. Kant on Unconditional Submission to the Suzerain // *History of Philosophy Quarterly*. Jan. 1996. Vol. 13. No. 1. P. 117–131.
Hill T.E. A Kantian Perspective on Political Violence // *The Journal of Ethics*. 1997. Vol. 1. No. 2. P. 105–140.
Korsgaard C. The Right to Lie: Kant on Dealing with Evil // *Philosophy & Public Affairs*. 1986. Vol. 15. No. 4. P. 325–349.
Mahon J. Kant and the Perfect Duty to Others not to Lie // *British Journal for the History of Philosophy*. 2006. Vol. 14 (4). P. 653–685.
Mahon J.E. The Truth about Kant on Lies // *The Philosophy of Deception* / Ed. by Clancy Martin. N.Y.: Oxford University Press, 2009. P. 201–224.
Nicholson P. Kant on the Duty Never to Resist the Sovereign // *Ethics*. Apr. 1976. Vol. 86. No. 3. P. 214–230.
Schwarz W. Kant's Refutation of Charitable Lies // *Ethics*. 1970. Vol. 81. No. 1. P. 62–67.
Shapiro T. Kantian Rigorism and Mitigating Circumstances // *Ethics*. October 2006. Vol. 117. No. 1. P. 32–57.
Varden H. Kant and Lying to the Murderer at the Door... One More Time: Kant's Legal Philosophy on Lies to Murderers and Nazis // *Journal of Social Philosophy*. Winter 2010. Vol. 41. No. 4. P. 403–421.
Wood A.W. Kant and the Right to Lie // *Eidos*. 2011. No. 15. P. 96–117.

The Prohibition of Lying as a Condition for the Perpetual Peace

Konstantin Troitskiy

PhD in Philosophy, Junior Research Fellow, Institute of Philosophy, RAS. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: Konztant@inbox.ru

The discussion presented in the book *On Right to Lie* is of great interest. Kant's short essay became a litmus paper indicating at first sight radical different positions, which dispute with each other for the right to be called ethical position. During his life Kant observed a lot of science discussions. But proposing own critical approach as a basis to the solution of conflicts and to the establishment of peace, he did not surmise that his short essay could cause such a violent ethical dispute. The first part of the article presents an attempt to give a demonstration of two pairs of

oppositional views, which can be distinguished in the discussion on Kant's essay. These views consist in two formal and two substantive approaches. The second part of article is devoted to the study of the place of violence and lie in Kant's works. Finally, in the third part the prohibition of lying is examined as an important and necessary condition for the perpetual peace.

Keywords: Immanuel Kant, perpetual peace, lie, right, ethics, violence, nonviolence, prohibition

References

- Kant, I. *Sobranie sochinenii. Yubileinoe izdanie: v 8 t.* [Collected Works. Anniversary edition, 8 vols.] Moscow: ChORO, 1994. (In Russian)
- Kant, I. *Sochineniya na Nemetskom i Russkom yazykah* [Works in German and Russian], ed. by N.V. Motroshilova, B. Tushling. Moscow: Nauka. (In Russian)
- O prave lgat'* [About Right to Lie] ed. by R. Apressyan. M.: ROSSPEN, 2011. 392 pp. (In Russian)
- Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t.* [Collected Works, 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., 1988. (In Russian)
- Armstrong, A.C. "Kant's Philosophy of Peace and War", *The Journal of Philosophy*, 1931, vol. 28, no. 8, pp. 197–204.
- Benton, R.J. "Political Expediency and Lying: Kant vs Benjamin Constant", *Journal of the History of Ideas*, 1982, vol. 43, no. 1, pp. 135–144.
- Jacquette, D. "Kant on Unconditional Submission to the Suzerain", *History of Philosophy Quarterly*, 1996, vol. 13, no. 1, pp. 117–131.
- Hill, T.E. "A Kantian Perspective on Political Violence", *The Journal of Ethics*, 1997, vol. 1, no. 2, pp. 105–140.
- Korsgaard, C. "The Right to Lie: Kant on Dealing with Evil", *Philosophy & Public Affairs*, 1986, vol. 15, no. 4, pp. 325–349.
- Mahon, J. "Kant and the Perfect Duty to Others not to Lie", *British Journal for the History of Philosophy*. 2006, vol. 14, no. 4, pp. 653–685.
- Mahon, J.E. "The Truth about Kant on Lies", *The Philosophy of Deception*, ed. by Clancy Martin. New York : Oxford University Press, 2009, pp. 201–224.
- Nicholson, P. "Kant on the Duty Never to Resist the Sovereign", *Ethics*, 1976, vol. 86, no 3, pp. 214–230.
- Schwarz, W. "Kant's Refutation of Charitable Lies", *Ethics*, 1970, vol. 81, no. 1, pp. 62–67.
- Shapiro, T. "Kantian Rigorism and Mitigating Circumstances", *Ethics*, 2006, vol. 117, no. 1, pp. 32–57.
- Varden, H. "Kant and Lying to the Murderer at the Door... One More Time: Kant's Legal Philosophy an Lies to Murderers and Nazis", *Journal of Social Philosophy*, 2010, vol. 41, no. 4. pp. 403–421.
- Wood, A.W. "Kant and the Right to Lie", *Eidos*, 2011, no. 15, pp. 96–117.